

КАРЛ ГУСТАВ

ЮНГ

НЕРАСКРЫТАЯ САМОСТЬ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я   К Л А С С И К А

Карл Густав Юнг

Нераскрытая самость

Серия «Эксклюзивная классика (АСТ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65567801

Нераскрытая самость:

ISBN 978-5-17-137686-4

Аннотация

Статья «Настоящее и будущее», известная также под названием «Нераскрытая самость», – одна из немногих работ Юнга, адресованных широкому кругу читателей. Наблюдая подавление индивида массовой психологией в настоящем (статья написана в 1957 г.) и предвидя усиление этой тенденции в будущем, Юнг посчитал своим долгом предупредить человечество о грозящей ему опасности и обрисовать возможные пути выживания в обществе, стирающем всякую индивидуальность.

В сборник также включена работа «Символы и толкование сновидений», в которой Юнг исследует принципы работы с бессознательным посредством толкования снов.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Настоящее и будущее[1]	5
1. Бедственное положение индивида в современном обществе	5
2. Религия как противовес массовому сознанию	20
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Карл Густав Юнг

Нераскрытая самость

© Little Brown, 1958

© Princeton University Press, 1990

© Foundation of the Works of C. G. Jung, Zürich, 2007

© Перевод. А. Чечина, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

*Настоящее и будущее*¹

1. Бедственное положение индивида в современном обществе

Что ждет нас в будущем? Данный вопрос занимал человеческий ум с незапамятных времен, пусть и не всегда в одинаковой степени. Как показывает история, человек с тревогой и надеждой обращает свой взор в будущее преимущественно во времена физических, политических, экономических и духовных потрясений. В такие периоды число антиципаций, утопических идей и апокалиптических видений возрастает многократно. В качестве примера можно привести хилиастические ожидания, характерные для эпохи Августа на заре христианской эры, или духовные перемены на Западе, сопровождавшие конец первого тысячелетия. Сегодня, когда близится к концу второе тысячелетие, наш мир вновь полон апокалиптических образов всеобщего уничтожения. Чем обернется разделение человечества на две половины – глобальный раскол, символизируемый Железным

---

¹ В оригинале работа называется «Настоящее и будущее» (Gegenwart und Zukunft), в английском переводе очерк известен под названием «Нераскрытая самость» (The Undiscovered Self).

занавесом? Что станет с нашей цивилизацией и с самим человеком, если начнут взрываться водородные бомбы или если Европу поглотит духовная и нравственная тьма государственного абсолютизма?

У современного человечества нет никаких оснований не воспринимать эту угрозу всерьез. Повсюду на Западе существуют группы диверсантов, которые, находясь под надежной защитой нашего человеколюбия и чувства справедливости, в любой момент готовы поджечь запал. Остановить распространение их идей способен лишь критически мыслящий разум интеллектуально развитого, психически стабильного слоя населения. Не следует переоценивать толщину этого слоя. Последняя не только варьирует в разных странах в соответствии с национальным темпераментом, но и зависит от уровня государственного образования, а также подвержена чрезвычайно сильному влиянию факторов экономического и политического толка. Если в качестве критерия взять плебисцит, то по самым оптимистическим оценкам максимальная «толщина» этого слоя составит сорок процентов электората. Более пессимистическая оценка равно оправданна, ибо дар здравого смысла и критического мышления не принадлежит к числу характерных особенностей человека. Даже там, где он присутствует, ему свойственны колебания и непостоянность. Как правило, его проявления тем слабее, чем больше политическая группа. Масса подавляет пронизательность и способность к размышлению, возможные на

индивидуальном уровне, а это, в свою очередь, неизбежно ведет к доктринерской и авторитарной тирании, едва только конституционное государство даст слабину.

Рациональная аргументация имеет шансы на успех только в том случае, если эмоциональность данной конкретной ситуации не превышает определенного критического уровня. Если эмоции зашкаливают, всякая возможность того, что разум возымеет действие, исключена. На смену ему приходят лозунги и химерические желания-фантазии. Иными словами, возникает своеобразная коллективная одержимость, которая быстро достигает масштабов психической эпидемии. В таких условиях все те элементы, которые при верховенстве разума считаются асоциальными и чье существование общество всего лишь терпит, поднимаются наверх. Эти люди отнюдь не редкие безумцы, встретить которых можно разве что в тюрьмах или психиатрических лечебницах. По моим оценкам, на каждого явного сумасшедшего приходится как минимум десять скрытых. Безумие этих несчастных редко проявляется в открытой форме, но их взгляды и поведение, при всей внешней нормальности, подвержены неосознаваемому воздействию патологических и извращенных факторов. По понятным причинам никакой медицинской статистики касательно распространенности латентных психозов не существует. Даже если отношение случаев латентных психозов к случаям явных психозов и явных преступных наклонностей меньше десяти к одному, весьма небольшой процент населе-

ния, который ими страдает, с лихвой компенсируется крайней опасностью этих людей. Их психическое состояние аналогично состоянию возбужденной группы, управляемой аффективными суждениями и желаниями-фантазиями. В такой среде они быстро адаптируются и чувствуют себя в ней комфортно. По опыту они знают «язык» условий такого рода и умеют к ним приспособливаться. Их химерические идеи, подпитываемые фанатичным возмущением, вызывают к коллективной иррациональности и находят в ней плодородную почву; они выражают все те мотивы и недовольство, которые у более нормальных людей таятся под мантией благоразумия и глубокомыслия. Несмотря на их малое количество в сравнении с общей популяцией, они опасны как источники заразы, именно потому, что так называемый нормальный человек владеет лишь ограниченными знаниями о себе.

Большинство людей путают знание себя со знанием осознаваемых эго-личностей. Любой человек, обладающий хотя бы минимальным эго-сознанием, убежден, что знает себя. Но эго знает только собственное содержимое; оно не знает бессознательного и содержимого бессознательного. Люди судят о степени самопознания на основе того, что знает о себе среднестатистический человек из своего социального окружения, но не на основе реальных психических фактов, которые, как правило, скрыты. В этом смысле человеческая психика подобна телу, о физиологическом и анатомическом строении которого большинство имеет крайне скудное пред-

ставление. Хотя все мы живем в теле и с телом, обыватель не задумывается о его устройстве и функционировании; чтобы познакомить сознание с тем, что известно о нашем организме, требуется специальное научное знание, не говоря уж о том, что не известно, но, тем не менее, существует.

Посему то, что принято называть «знанием о себе», в действительности очень ограничено, причем бо́льшая часть этого «знания» зависит от социальных факторов, от того, что происходит в человеческой психике. По этой причине всем нам свойственно предубеждение, что то-то или то-то не может произойти «с нами», «в нашей семье», в кругу наших друзей или знакомых. С другой стороны, человеку присущи не менее иллюзорные убеждения относительно предполагаемого наличия у него определенных качеств, которые в действительности служат одной-единственной цели – скрыть истинное положение дел.

В этом обширном поле бессознательного, не доступном критике и контролю сознания, мы совершенно беззащитны, а потому подвержены всем видам влияний и психических инфекций. Как и при опасности любого другого рода, мы можем предотвратить риск психического инфицирования только в том случае, если будем знать, что именно нас атакует, а также где, когда и каким образом произойдет нападение. Поскольку самопознание – это познание индивидуальных фактов, теория здесь практически бесполезна. Как известно, чем больше теория претендует на универсальную достоверность,

тем меньше она способна учитывать индивидуальные вариации. Любая теория, основанная на опыте, неизбежно носит *статистический* характер; она постулирует *идеальное среднее*, которое исключает все отклонения на обоих концах шкалы и заменяет их абстрактным средним арифметическим. Это среднее арифметическое вполне адекватно, хотя и не обязательно встречается в реальности. Несмотря на это, оно присутствует в теории в качестве неопровержимого фундаментального факта. Крайности, хоть и существуют, в конечном результате не фигурируют вообще, ибо взаимно сокращаются. Если, например, я вычислю вес каждого камушка в пласте гальки и получу средний вес в пять унций, эта цифра мало что скажет мне о реальной природе гальки. Любого, кто на основании этих расчетов решит, будто сможет с первой попытки вытянуть камешек весом в пять унций, ждет горькое разочарование. В действительности может случиться так, что сколько бы он ни искал, он не найдет камушка весом ровно в пять унций.

Статистический метод показывает факты в свете идеальной средней величины, но не дает никакого представления об их эмпирической реальности. Хотя идеальное среднее отражает некий неопровержимый аспект действительности, оно, тем не менее, может исказить истину и тем самым ввести нас в заблуждение. Особенно это справедливо в отношении теорий, основанных на статистике. Отличительной чертой реальных фактов является их индивидуальность. Если

называть вещи своими именами, можно утверждать, что реальность состоит из одних исключений и что, соответственно, абсолютная реальность преимущественно иррегулярна.²

Об этом следует вспоминать каждый раз, когда речь заходит о теории, способной стать проводником на пути к самопознанию. Нет и не может быть никакого знания о себе, основанного на теоретических предположениях, ибо объектом этого знания является индивид – относительное исключение и воплощение иррегулярности. Следовательно, индивида характеризует не универсальное и стандартное, а, скорее, уникальное. Посему его следует понимать не как типичную, повторяющуюся единицу, а как нечто неповторимое и единственное в своем роде, заведомо не поддающееся познанию и не сравнимое ни с чем другим. В то же время человек как представитель биологического вида может и должен быть описан статистически; в противном случае о нем нельзя будет сказать ничего общего. С этой целью его необходимо рассматривать как единицу компаративную. В результате мы получим достоверный антропологический или психологический портрет абстрактного *Homo sapiens*, лишённого всех индивидуальных черт. Тем не менее для понимания человека именно эти черты имеют первостепенное значение. Если я хочу понять индивида, я обязан отбросить все научные знания о среднестатистическом представителе человечества, отказаться от всех теорий, дабы занять совершен-

---

² Иррегулярный – не подчиненный определенному порядку.

но новую и непредвзятую позицию. Чтобы *понять* человека, необходим свободный и открытый разум, тогда как любые *знания* о человеке, равно как и любые представления о сущности человеческой природы, предполагают самые разные сведения о человечестве в целом.

Итак, о чем бы ни шла речь – о понимании другого человека или самопознании, – я должен оставить все теоретические предположения. Поскольку научное знание не только пользуется всеобщим уважением, но и представляется современному человеку единственным интеллектуальным и духовным авторитетом, понимание индивида обязывает меня совершить *lèse majesté*³ – а именно, закрыть глаза на научное знание. Принести подобную жертву нелегко, ибо установка на научный подход предполагает чувство ответственности, избавиться от которого не так-то просто. Если при этом психолог оказывается врачом, который стремится не только классифицировать своего пациента с научной точки зрения, но и понять его как человека, ему грозит конфликт между двумя противоположными и взаимоисключающими установками: знанием, с одной стороны, и пониманием – с другой. Данный конфликт не может быть разрешен с помощью «или/или»; единственный способ его устранить – своего рода двустороннее мышление, то есть делать одно, не теряя из виду другое.

В свете того факта, что положительные аспекты *знания*

---

³ Букв.: «оскорбление величества» (фр.). – Примеч. пер.

в принципе действуют в ущерб *пониманию*, суждение, вытекающее из него, вероятно, будет носить несколько парадоксальный характер. Если судить с научной точки зрения, индивид есть не что иное, как единица, которая повторяется *ad infinitum*⁴ и с равным успехом может быть обозначена буквой алфавита. С точки зрения понимания, напротив, высшим и единственным реальным объектом исследования выступает уникальный индивид, лишенный всех тех сходств и закономерностей, которые так дороги сердцу ученого. Всякий врач – прежде всего врач – должен четко осознавать это противоречие. С одной стороны, он вооружен статистическими истинами, усвоенными на студенческой скамье. С другой стороны, перед ним стоит задача вылечить больного, который, особенно в случае психических страданий, требует *индивидуального понимания*. Чем безличнее терапия, тем сильнее сопротивление пациента и тем ниже вероятность излечения. Психотерапевт ощущает себя вынужденным волей-неволей рассматривать индивидуальность пациента как существенный фактор в общей картине и соответствующим образом корректировать методы лечения. В современной медицине общепризнано, что задача врача состоит в лечении конкретного больного, а не абстрактной болезни.

Эта иллюстрация из области медицины представляет собой лишь частный случай проблемы образования и подготовки в общем. Научное образование главным образом зи-

---

⁴ До бесконечности (*лат.*). – *Примеч. пер.*

ждется на статистических истинах и абстрактном знании, а потому дает нереалистичную, рациональную картину мира, в которой индивид как сугубо маргинальное явление не играет никакой роли. Однако индивид как иррациональная данность есть истинный и подлинный носитель реальности, это *конкретный* человек в противоположность нереальному идеалу или «нормальному» человеку, к которому относятся научные утверждения. Более того, большинство естественных наук пытаются представить результаты своих исследований так, как если бы они возникли без вмешательства человека. Как следствие, вклад психики – неотъемлемый фактор – остается невидимым. (Единственным исключением, пожалуй, можно считать современную физику, которая признает, что наблюдаемое зависит от наблюдателя.) Таким образом, и в этом отношении естественные науки рисуют картину мира, из которой человеческая психика заведомо исключена, тем самым представляя собой явную антитезу гуманитарным дисциплинам.

Под влиянием научных предположений не только психика, но и отдельный человек, да и вообще все индивидуальные события подвергаются нивелированию и размытию. Эти процессы искажают действительность, сводя ее к концептуальному среднему. Не следует недооценивать психологический эффект статистической картины мира: она оттесняет индивида в сторону, подменяя его анонимными единицами, собранными в массовые формации. Вместо конкрет-

ного индивида мы получаем названия организаций и, как кульминацию, абстрактную идею Государства как принципа политической реальности. В результате моральная ответственность индивида неизбежно вытесняется политикой государства (*raison d'état*). Вместо нравственной и психической дифференциации личности мы имеем общественное благосостояние и повышение уровня жизни. Цель и смысл индивидуальной жизни (единственной жизни, которая *реальна*) заключаются уже не в индивидуальном развитии, а в государственной политике. Последняя навязывается индивиду извне и состоит в осуществлении абстрактной идеи, которая в конечном итоге имеет тенденцию перетягивать всю жизнь на себя. Индивид постепенно лишается права принимать нравственные решения относительно того, как именно ему жить; вместо этого им управляют, его кормят, одевают и обучают как социальную единицу, селят в подобающее ему жилье и развлекают в соответствии со стандартами, доставляющими удовольствие и удовлетворение массе. Правители, в свою очередь, являются такими же социальными единицами, как и управляемые, отличаясь от них только тем, что служат рупорами государственной доктрины. Им вовсе не обязательно быть личностями, способными к независимому суждению; в первую очередь они должны быть скрупулезными специалистами, абсолютно бесполезными вне своей сферы деятельности. Именно политика государства определяет, чему учить и чему учиться.

Кажущейся всемогущей государственной доктриной, в свою очередь, манипулируют во имя государственной политики люди, занимающие высшие посты в правительстве, где сосредоточена вся власть. Всякий, кто путем честных выборов или благодаря капризу судьбы попадает на одну из этих должностей, больше не подчиняется никому; отныне он сам есть политика государства и в рамках сложившейся ситуации вправе действовать по своему усмотрению. Вслед за Людовиком XIV он может сказать: «*L'état c'est moi*» – «Государство – это я». Таким образом, он – единственный человек или, во всяком случае, один из немногих людей, которые могли бы проявить свою индивидуальность, если бы только знали, как отделить себя от государственной доктрины. Однако, как правило, все они становятся рабами собственных вымыслов. Подобная однобокость всегда психологически компенсируется бессознательными подрывными тенденциями. Рабство и бунт неразрывно связаны между собой. Отсюда соперничество за власть и крайняя подозрительность, пронизывающие весь организм сверху донизу. Более того, стремясь компенсировать свою хаотическую бесформенность, масса всегда порождает «Предводителя», который, как свидетельствуют многочисленные примеры из истории, неизменно становится жертвой собственного раздутого эго-сознания.

Такое развитие событий становится логически неизбежным в тот момент, когда индивид сливается с толпой и теряет свою индивидуальность. Помимо агломерации огромных

масс, в которых человек растворяется в любом случае, одним из главных факторов, обуславливающих массовое сознание, является научный рационализм, лишаящий индивида его устоев и его человеческого достоинства. Как социальная единица он утрачивает свою индивидуальность и становится простой абстрактной статистической величиной. Ему отводится роль легко заменяемого и совершенно незначительного элемента. Если смотреть на него рационально, со стороны, то именно им он и является; в этом смысле кажется абсурдным рассуждать о ценности или значимости отдельного человека. В самом деле, трудно себе представить, как можно было наделить индивидуальную человеческую жизнь таким достоинством, когда очевидным является прямо противоположное.

С этой точки зрения значимость индивида действительно невелика. Всякий, кто пожелает оспорить это, быстро столкнется с нехваткой аргументов. Тот факт, что человек ощущает важность самого себя, членов своей семьи или уважаемых друзей из своего круга, лишь подчеркивает несколько комичную субъективность его чувств. Что значат эти немногие по сравнению с десятью тысячами или сотней тысяч, не говоря уже о миллионе? Это напоминает мне довод одного моего вдумчивого друга, с которым мы однажды попали в гигантскую толпу. Внезапно он воскликнул: «Вот самая убедительная причина не верить в бессмертие: все *это стадо* мечтает быть бессмертным!»

Чем больше толпа, тем ничтожнее индивид. Если человек, подавленный чувством собственной незначительности и бессилия, вдруг почувствует, что его жизнь утратила всякий смысл – который, в сущности, не тождественен общественному благосостоянию и более высокому уровню жизни, – значит, он уже близок к тому, чтобы стать рабом Государства. Сам того не подозревая и не желая, он уже сделался его прозелитом. Человеку, который обращает свой взор только вовне и робеет перед «большими батальонами», нечего противопоставить сигналам, которые посылают его органы чувств и его разум. К несчастью, однако, именно это и происходит сегодня: мы все очарованы и подавлены статистическими истинами и большими числами. Каждый день нам твердят о ничтожности и тщете индивидуальной личности, ибо она не представлена и не персонифицирована какой-либо массовой организацией. И наоборот, те персонажи, которые расхаживают по мировой сцене и чьи голоса слышны повсюду, кажутся не критически мыслящей публике влекомыми неким массовым движением или волной общественного мнения. По этой причине им либо аплодируют, либо их проклинаят. Поскольку массовое внушение играет здесь доминирующую роль, остается вопрос, что делают эти люди: выражают собственные мысли, за которые они несут личную ответственность, или же просто служат рупором коллективного мнения?

В таких обстоятельствах не удивительно, что индивиду-

альные суждения постепенно становятся все более неуверенными и что ответственность коллективизируется настолько, насколько это возможно. Снимая с себя ответственность и делегируя ее безликим организациям, индивид все больше становится функцией общества, которое, в свою очередь, узурпирует функцию носителя реальной жизни, тогда как на самом деле общество есть не что иное, как абстрактная идея, подобная идее Государства. Обе гипостазированы, то есть стали автономными. Государство, в частности, превращается в квазиодушевленную личность, на которую возлагают все надежды. В действительности она служит лишь прикрытием для людей, которые умеют ею управлять. Как следствие, конституционное государство трансформируется в примитивную форму общества – коммунизм первобытного племени, для которого характерно авторитарное правление вождя или олигархии.

2. Религия как противовес массовому сознанию

Дабы освободить фикцию суверенного государства – иными словами, прихоти вождей, которые ею манипулируют, – от всяких здравых ограничений, все общественно-политические движения, стремящиеся в этом направлении, неизменно пытаются подорвать основы *религии*. Объяснение этому одно: чтобы превратить человека в функцию Государства, необходимо лишить его возможности опереться на что-либо другое. Религия означает зависимость и подчинение иррациональным фактам опыта. Последние не относятся непосредственно к социальным и физическим условиям; в гораздо большей степени они касаются психических установок индивида.

Однако какая-либо установка по отношению к внешним обстоятельствам жизни возможна только при наличии некоего внешнего ориентира, контрольной точки. Религия обеспечивает – или претендует на то, что обеспечивает – такую точку, позволяя индивиду выносить личные суждения и принимать самостоятельные решения. Она создает своеобразный резерв против очевидной и неотвратимой силы обстоятельств, перед которой беззащитен любой человек, живущий только во внешнем мире и не имеющий никакой другой почвы под ногами, кроме тротуара. Если помимо статисти-

ческой реальности не существует никакой другой, то она – единственный авторитет. Значит, есть только *одно* условие, а поскольку никакого противоположного условия не существует, независимые суждения и решения не только излишни, но и невозможны. Таким образом, индивид обречен быть функцией статистики и, следовательно, функцией Государства или любого другого абстрактного принципа порядка.

Религия, однако, учит другому авторитету, противоположному авторитету «мира». Доктрина зависимости индивида от Бога притязает на человека не меньше, чем мир. Бывает, что абсолютность этих притязаний отдаляет его от мира точно так же, как он отдаляется от самого себя, подавшись коллективному мышлению. И в том и в другом случае он может лишиться способности выносить личные суждения и принимать решения. Именно к этой цели открыто стремится религия, если только не идет на компромисс с Государством. Когда это происходит, я предпочитаю называть ее не «религией», а «вероучением». Вероучение обеспечивает выражение определенным коллективным убеждениям, тогда как слово «религия» подразумевает субъективное отношение к определенным метафизическим, немирским факторам. Вероучение – это символ веры, который предназначен главным образом для мира в целом и, таким образом, носит сугубо мирской характер, в то время как смысл и цель религии заключаются в отношении индивида к Богу (христианство, иудаизм, ислам) или к пути спасения и освобожде-

ния (буддизм). Из этого основополагающего факта вытекает вся этика, которую в отсутствие ответственности индивида перед Богом нельзя назвать иначе, как обывательской моралью.

Поскольку всякое вероучение есть компромисс с мирской реальностью, оно считает своим долгом осуществлять последовательную кодификацию составляющих его взглядов, доктрин и обычаев, и при этом экстернализируется до такой степени, что подлинно религиозный элемент в нем – живая связь и прямое сопоставление с немирской контрольной точкой – отодвигается на задний план. Конфессиональное мировоззрение оценивает ценность и важность субъективного религиозного отношения по стандартам традиционной доктрины; там, где это происходит не так часто, как в протестантизме, сразу начинаются разговоры о пиетизме, сектантстве, эксцентричности и т. д. – стоит только кому-то заявить, что он-де руководствуется волей Божьей. Вероучение совпадает с официальной Церковью или, по крайней мере, образует общественный институт, членами которого являются не только истинно верующие, но и огромное число людей, «равнодушных» к религии в общем и принадлежащих к числу ее адептов исключительно в силу привычки. Здесь различие между вероучением и религией становится особенно ощутимым.

Следовательно, приверженность какому-либо вероучению есть не столько религиозное, сколько социальное явление. Как таковое оно не дает индивиду никакой опоры. Для

этого он должен полагаться исключительно на свое отношение к авторитету, не принадлежащему этому миру. Главный критерий здесь – не пустые слова, а психологический факт того, что жизнь индивида определяется не только эго и его мнениями или социальными факторами, но и в равной, если не большей, степени трансцендентным авторитетом. Основы свободы и автономии индивида закладывают не этические принципы, какими бы возвышенными они ни были, и не верования, пусть даже самые ортодоксальные, а эмпирическая осведомленность, непреложный опыт очень личной, взаимной связи между человеком и немирским авторитетом, действующим как противовес «миру» и его «разуму».

Данная формулировка не понравится ни массовому человеку, ни коллективному верующему. Для первого высшим принципом мышления и действия является политика Государства. Именно с этой целью его просвещали; соответственно, массовый человек признает за индивидом право на существование лишь в том случае, если тот становится функцией Государства. С другой стороны, верующий хоть и признает, что Государство имеет на него нравственные и фактические права, исповедует веру в то, что не только человек, но и Государство, которое им управляет, подчинены верховной власти «Бога» и что в спорных случаях решение остается за Богом, а не за Государством. Я предпочитаю воздержаться от каких-либо метафизических суждений по данному поводу, а потому оставлю открытым вопрос о том, является ли

«мир», то есть феноменальный мир человека и, следовательно, природа вообще, «противоположностью» Богу или нет. Я могу только указать на тот факт, что психологическое противостояние между этими двумя сферами опыта не только подтверждается в Новом Завете, но и ясно проявляется сегодня в отрицательном отношении диктаторских государств к религии, а Церкви – к атеизму и материализму.

Подобно тому, как человек, будучи существом социальным, не может долгое время существовать в отрыве от общества, так и индивид никогда не найдет подлинного оправдания своему существованию и своей духовной и моральной автономии нигде, кроме как в немирском принципе, способном релятивизировать непреодолимое влияние внешних факторов. Индивид, не укрепившийся в Боге, не способен самостоятельно сопротивляться физическим и моральным соблазнам окружающего мира. Для этого ему необходим внутренний, трансцендентный опыт; только он может защитить его от неизбежного растворения в массе. Сугубо интеллектуальное или даже нравственное понимание тупости и моральной безответственности массового человека ведет не более чем к колебаниям на пути к атомизации индивида. Ему недостает движущей силы религиозного убеждения, ибо оно полностью рационально. Диктаторское Государство имеет одно большое преимущество перед буржуазным разумом: вместе с индивидом оно поглощает и его религиозные силы. Государство занимает место Бога; вот почему, с

этой точки зрения, социалистические диктатуры суть религии, а государственное рабство – форма поклонения. Однако религиозная функция не может быть смещена и фальсифицирована без того, чтобы не вызвать тайных сомнений, которые немедленно подавляются, дабы избежать конфликта с доминирующим стремлением к массовому сознанию. Результатом, как и всегда в таких случаях, оказывается сверхкомпенсация в виде *фанатизма*, который, в свою очередь, используется как инструмент ликвидации малейших очагов сопротивления. Свободное мнение удушается, а нравственные решения безжалостно подавляются под тем предлогом, что цель оправдывает средства, даже самые гнусные. Политика Государства возводится в статус вероучения, лидер или партийный вождь становится полубогом по ту сторону добра и зла, а его сторонников почитают как героев, мучеников, апостолов, миссионеров. Существует только одна истина и никакой другой. Она священна и неприкосновенна. Всякий, кто думает иначе, еретик, которому, как мы знаем из истории, угрожают всевозможными неприятными вещами. Только партийный вождь, в руках которого сосредоточена политическая власть, может достоверно толковать государственную доктрину, что он и делает – так, как ему заблагорассудится.

Когда индивид становится социальной единицей номер такой-то, а Государство возводится в ранг высшего принципа, следует ожидать, что религиозную функцию тоже затянет

в этот водоворот. Религия, как тщательное изучение и учет определенных невидимых и не поддающихся контролю факторов, есть *инстинктивная* установка, свойственная только человеку. Проявления этой установки заметны на протяжении всей человеческой истории. Ее очевидная цель состоит в поддержании психического равновесия, ибо естественный человек обладает не менее естественным «знанием» того, что его сознательные функции могут в любой момент быть нарушены неконтролируемыми событиями, происходящими как внутри, так и снаружи его. По этой причине он всегда стремился подкрепить любое трудное решение, которое могло иметь важные последствия для него самого и других, соответствующими мерами религиозного характера. Невидимым силам приносят подношения, произносят молитвы, совершают всевозможные торжественные обряды. Везде и во все времена существовали *rites d'entrée et de sortie*⁵, в которых рационалисты, неспособные к психологическому прозрению, усматривали лишь магию и суеверие. Но магия, прежде всего, вызывает психологический эффект, важность которого не следует недооценивать. Свершение «магического» действия дает человеку чувство безопасности, которое абсолютно необходимо для осуществления принятого решения, ибо решение всегда несколько однобоко, а потому совершенно справедливо воспринимается как риск. Даже диктатор считает нужным сопровождать акты государственной

---

⁵ Букв.: «обряды входа и выхода» (*фр.*).

власти не только угрозами, но и всевозможными торжествами. Духовые оркестры, флаги, знамена, парады и шествия в принципе ничем не отличаются от церковных процессий, канонад и фейерверков, призванных отпугнуть демонов. Вот только демонстрация государственной мощи порождает коллективное чувство безопасности, которое, в отличие от религиозных шествий, не обеспечивает индивиду никакой защиты от его внутренних демонов. Следовательно, он будет все больше цепляться за Государство, то есть за массу, подчиняясь ей как психически, так и морально и делая последний шаг на пути к собственной социальной депотенциации. И Государство, и Церковь требуют энтузиазма, самопожертвования и любви; религия предполагает «страх перед Богом», и диктаторское государство всеми силами стремится обеспечить надлежащее устрашение.

Когда рационалист бросает свои главные силы на борьбу с волшебным эффектом ритуала, подкрепленным традицией, он в действительности не попадает в цель. Он упускает из виду самое главное – *психологический* эффект, хотя обе стороны используют его в противоположных целях. Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении их основных задач. Задачи религии – спасение от зла, примирение с Богом, вознаграждение в загробной жизни и т. д. – превращаются в мирские обещания хлеба насущного, справедливого распределения материальных благ, всеобщего процветания в будущем и сокращения рабочего дня. То, что до исполнения этих

обещаний столь же далеко, как до рая, представляет собой еще одну аналогию и подчеркивает тот факт, что массы были обращены в сугубо мирскую веру, превозносимую с точно таким же религиозным пылом и снобизмом, которые вероучения демонстрируют в противоположном направлении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.